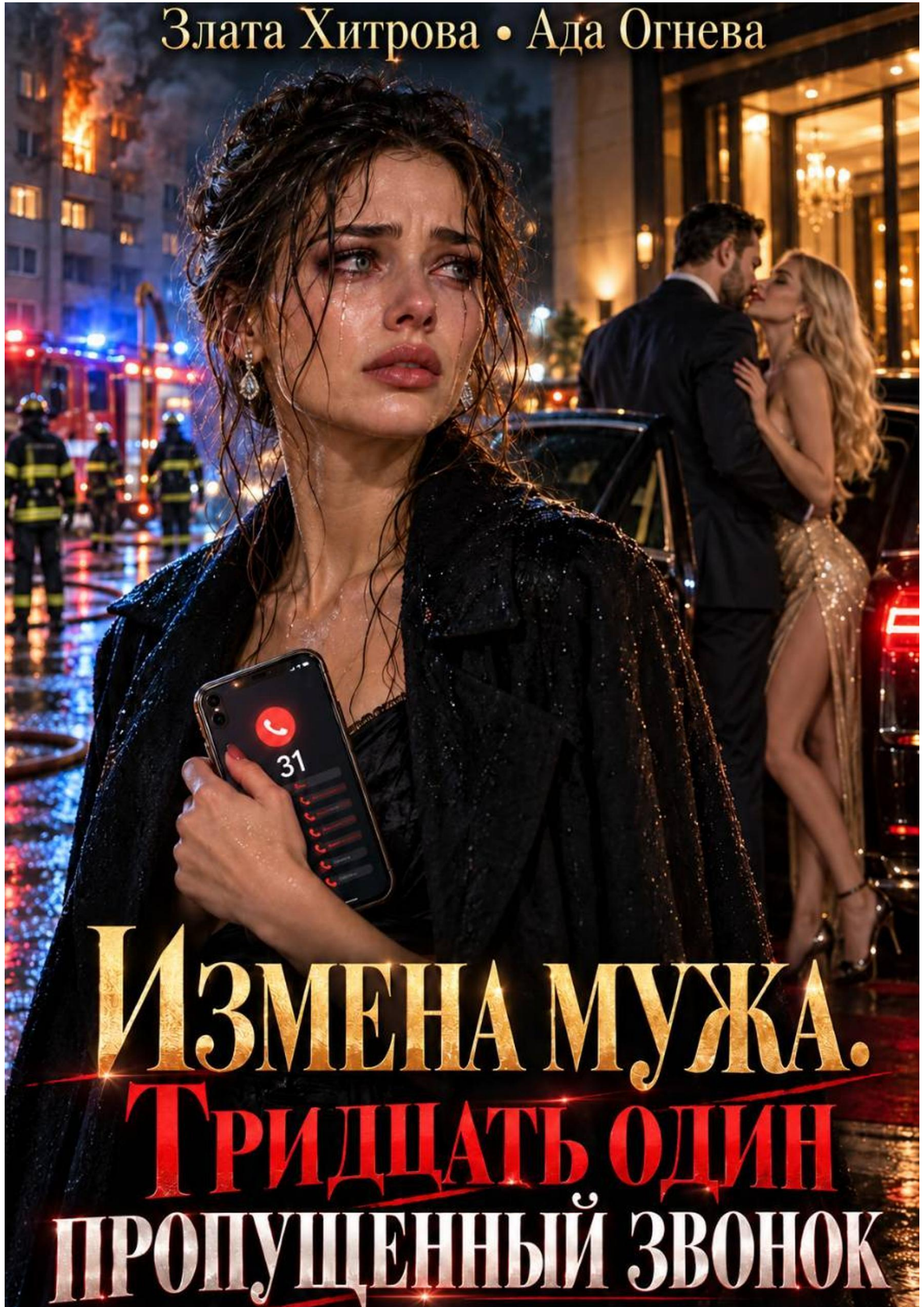

Злата Хитрова • Ада Огнева

ИЗМЕНА МУЖА. Тридцать один ПРОПУЩЕННЫЙ ЗВОНОК

Ада Огнева

**Измена мужа. Тридцать
один пропущенный звонок**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Измена мужа. Тридцать один пропущенный звонок / А. Огнева —
«Автор», «Автор», 2026

Тридцать один раз я звонила мужу, пока наш дом горел, а дети задыхались в дыму. Дмитрий — начальник пожарного караула. Он мог нас спасти. Но отключил телефон, потому что проводил ночь с любовницей. Мы чудом выжили. А утром муж обвинил меня в пожаре, заблокировал деньги на лечение детей и пригрозил отнять Стёпу и Милу. Я думала, хуже быть не может. Пока следователь Ростислав Гарин не показал мне документы: пожарные системы нашего дома были отключены по приказу Дмитрия. Теперь муж готов уничтожить меня, лишь бы скрыть преступление. Но я верну детям безопасность. И заставлю предателя ответить за каждый пропущенный звонок. Навсегда.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Злата Хитрова

Измена мужа. Тридцать один пропущенный звонок

Глава 1

Запах пришел раньше звука.

Пахло горелой проводкой. Втянула воздух и закашлялась: горло драло, во рту появился сладковатый вкус. Я зажала рот рукавом, но следующий вдох всё равно закончился кашлем.

Я распахнула глаза. Даже светящиеся цифры будильника исчезли в дыму.

— Степа! Мила!

Вместо крика вышел хрип. Прижала рукав к лицу, попробовала еще раз. Семь лет я говорила людям с пульта: лягте, ползите к выходу, не открывайте горячую дверь. Теперь надо было проделать это самой. И добраться до детской, пока дети не встали.

Скатилась с кровати на четвереньки и уткнулась носом почти в пол. Там удалось вдохнуть. Доски под коленями дрожали; гул шел снизу, из глубины дома. Я не стала искать тапки. Вытащить детей — остальное потом, даже если босые ноги окажутся в стекле.

— Мама?.. — раздался из детской слабый, испуганный писк.

— Не вставай! Лежи! — выкрикнула я в темноту, сдирая с себя футболку и зажимая ею нос. — Степа, хватай сестру за руку, на пол! Слышишь меня?! Мордочками в ковер!

До детской было четыре метра. Четыре метра коридора, который уже превратился в топку. На уровне моих плеч висел сплошной черный пласт — ядовитый, маслянистый дым от китайских натяжных потолков соседей снизу. Стоило приподнять голову, как глаза обожгло слезами, а виски сжало стальными клещами.

Я ползла, сдирая кожу на локтях о жесткий палас.

Проползая мимо входной двери, я задела ее ручку. Латунь обожгла пальцы — я инстинктивно отдернула руку, оставив на металле лоскут собственной кожи. За дверью гудело и трещало. Открыть ее я не решилась: огонь был уже на лестнице.

— Степка!

В детской было чуть светлее — за окном метались оранжевые всполохи. Мой семилетний сын лежал на животе, накрыв собой четырехлетнюю Милу. Маленькое тельце дочки мелко, судорожно вздрагивало. Она не плакала — она просто задыхалась, издавая сухие свистящие звуки, похожие на треск рвущейся бумаги.

— Умничка, сынок, держись, — я навалилась на них, срывая с кровати тяжелые шерстяные пледы.

Пальцы в кармане трико нащупали телефон. Экран слепил глаза.

Палец сам нажал кнопку экстренного вызова — закрытый ведомственный номер. Личная линия начальника караула третьей пожарной части. Моего мужа.

«Дима. Ну же. Дима, возьми. Третья машина, шестой ход, наш дом, Дима!»

Гудок. Один. Второй. Длинные, механические, равнодушные.

Сброс.

Сердце пропустило удар, в груди похолодело сильнее, чем от угарного газа. Он никогда не сбрасывал. Начальник караула Орлов не имел права сбрасывать спецсвязь. Даже на учениях, даже в душе.

Я нажала повтор. Снова сброс.

Автодозвон. Зеленая трубка мигала на треснувшем стекле смартфона. Первый вызов. Пятый. Восьмой. Десятый.

«Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети».

— Сука, Дима, возьми трубку! — закричала я в онемевший динамик, и в легкие тут же ворвалась порция едкого чада.

Меня вывернуло сухим, мучительным спазмом. В глазах полыхнули багровые круги.

Степа рядом со мной дернулся и зашелся тяжелым, лающим кашлем. Из его носа текла черная жижа — копоть вперемешку со слизью.

— Мамочка... больно... в грудке печет... — захрипел он, царапая мои пальцы.

Мила под его боком обмякла. Ручка дочки безвольно соскользнула с плеча брата и упала на ковер. Глаза закатились, губы отливали синевой.

— Милка! Мила, дыши! Не спать! — я вlepила ей легкую пощечину, не находя на ее лице ни одного ответного движения. — Степа, держись за меня! Зубами вцепись!

Я сунула Степе снятую майку — закрыть рот, подхватила бесчувственную Милу левой рукой, а правой потянула сына за ворот пижамы.

Ползти. Только ползти. В ванную. Там вода, там плитка, там шанс продержаться до автолестницы. Дима знает, что мы на четвертом. Он сейчас влетит во двор на своей «тридцатке», лично поднимет стрелу к нашему окну. Он же лучший. Он же герой города, черт бы его побрал!

Двенадцатый звонок. Сброс. Пятнадцатый звонок.

Мы ввалились в совмещенный санузел. Я захлопнула дверь, отсекая клубы черного дыма, но это была временная отсрочка — снизу, из вентиляционной шахты, уже с воем тянуло жаром. Пластиковые панели на стенах начали пузыриться и оплывать вонючими каплями.

Я бросилась к крану, рванула рычаг на полную.

Трубы взвыли, зашипели... и из носика выплонуло лишь тонкую струйку бурой ржавчины пополам с паром. Где-то перебило воду. Напора не было.

— Нет, нет, нет, сука, только не это! — забилась я, судорожно оглядывая тесную комнату.

Нечем промочить полотенца. Сухое полотенце сразу обжигало лицо. От газа оно не спасет, но хоть жар ослабить, хоть щели закрыть.

Взгляд упал на пластиковую детскую ванночку, которую мы не вылили с вечера после купания Милы, с серой мыльной водой.

Я рухнула на колени, макая махровые полотенца прямо в серую мыльную жижу. Запах детской пены для ванны смешался с гарью — тошнотворный, дикий коктейль. Я намочила тряпки до нитки, залепила щели под дверь, замотала лица детей.

— Держите полотенца у лица! Степка, глубоко не вдыхай, мелкими глотками!

Локтем я со всей силы ударила по маленькой форточке вентиляции, выходящей во внутренний световой колодец дома. Стекло брызнуло наружу. Я высунула лицо в образовавшуюся дыру и закричала охрипшим, сорванным голосом — тем самым голосом, которым семь лет координировала бригады реанимации:

— Четвертый этаж! Квартира тридцать два! Двое детей! Наружная стена!

Синие маяки мелькали за липами. Я видела людей у первого подъезда, махала им через разбитую форточку, но они смотрели на двери, а не вверх. Еще раз выкрикнула номер квартиры. Хоть бы один поднял голову. Хоть бы показал рукой: слышу, идем.

Где Орлов?! Где его голос в мегафоне?!

Двадцатый звонок. Двадцать пятый.

«Аппарат абонента выключен».

Вдруг пол под ногами вздыбился. Глухой хлопок — в квартире снизу лопнули стеклопакеты, и из вентиляции в ванную ударил раскаленный воздух. Линолеум вспыхнул мгновенно, скручиваясь в черные жгуты.

К панелям уже нельзя было прислониться. Я дернула Степу от стены. В ванной мы больше не продержимся.

— На балкон! — прохрипела я, выбивая дверь ногами. — Степа, держись за Милу!

В коридоре я потянула Степу следом. Перегородка рухнула поперек прохода; пришлось перешагивать обгорелый брус с Милой на руках. На икры упал пластик, я вскрикнула и едва не выронила дочь. Полотенце сползло с ее лица — придержала зубами. До балконной двери оставалось немного.

На балконе я наконец смогла поставить ногу и удержаться. Железная обшивка гремела. Мы с Димой сами ее крепили, а сейчас я боялась даже опереться о перила.

Из окон второго и третьего этажей выбивало пламя. Тянуться к краю балкона некуда: кругом решетка, которую Дима поставил прошлым летом. «Для безопасности детей», — говорил. Я ударила по замку ладонью. Потом еще раз. Он не поддался.

Я усадила Милу и Степу на бетонную плиту в самый угол, закрыв их своим телом. Моя спина приняла на себя тепловой удар. Из дверного проема на голые лопатки ударило жаром. Кожу обжигало до волдырей. Боль была ослепляющей, но я только крепче сжимала детей, вдавливая их в холодный пока еще бетон.

— Мама, мне страшно... — шептал Степа. Глаза его были мутными, стеклянными. Он почти не реагировал на пальцы, которыми я трогала его пульс на сонной артерии. Пульс частил так, что я не могла сосчитать удары. Дыхание поверхностное, частое. Только бы не отек.

— Потерпи, родной. Папа едет. Папа сейчас приедет, — шептала я пересохшими, запекшимися губами, хотя сама уже ни во что не верила.

Дрожащими, почерневшими от сажи пальцами я нажала вызов в тридцать первый раз.

Гудок не пошел. Связь оборвалась.

В этот момент балконная решетка заскрежетала.

По выдвинутой лестнице поднялись двое из звена ГДЗС. Первый перекусил прутья гидравлическими ножницами. Тяжелые дыхательные аппараты, маски с круглыми стеклами.

Спасатели. Третья часть. Димины ребята.

Один из них — я узнала по широким плечам сержанта Кузьмина — перевалился через перила, суетливо оглядываясь.

— Где Орлов?! — заорала я ему прямо в маску, срывая голос до кровавого кашля. — Почему автолестницу не развернули сразу?!

Кузьмин оглянулся на напарника и потянулся к поясу. Спасательный капюшон у него был один. Я видела, как он ищет второй, и уже знала: не найдет. Двое детей, один капюшон — как вы собрались нас снимать, ребята?

— Спокойно, Алевтина! — глухо прохрипел он через мембрану. — Эвакуируем!

— Степу первого! — я буквально швырнула сына ему в руки. — Вес двадцать два килограмма! Дым в квартире, дети без сознания! В легких пластик! Надевай маску, идиот, у него апноэ начнется!

Кузьмин перестал шарить по поясу. Натянул капюшон Степе, подключил шланг к своему аппарату. Я держала сына за локоть, пока напарник на лестнице не обхватил его поперек груди. Только тогда отпустила. Мальчик совершенно не помогал.

Милу я прижала к себе, не отдавая, пока второй боец не зафиксировал страховочную петлю вокруг моей талии.

Когда нас спускали сквозь стену дыма и искр, я смотрела не вниз, на асфальт, а на капот штабной «Газели». Возле нее не было высокой, уверенной фигуры в белой каске начальника караула. Никто не отдавал четких команд в мегафон. Звенья путались в руках, вода хлестала мимо окон.

Нас вынесли за оцепление и опустили прямо на холодный, мокрый от пены асфальт.

Подбежали медики. Знакомые лица — двенадцатая подстанция скорой, мои коллеги.

— Аля! Господи, живые! — фельдшер Вера упала на колени рядом с Милой, втыкая в вену четырехлетней девочки «бабочку». — Кислород сюда, быстро! Капельницу с преднизолоном!

Я сидела на носилках рядом со Степой, не чувствуя, как с моих обожженных лопаток сочится сукровица. Я держала сына за безжизненную ручку. Он не дышал сам — второй фельдшер уже качал мешок Амбу, ритмично сжимая резиновый баллон.

«Где он? — билась в голове единственная мысль, разрывая виски. — Где Дима? Наверное, на сложном объекте. В порту? На нефтебазе? Погиб? Его завалило перекрытиями, поэтому он сбрасывал? Он не мог просто так не приехать... Это же наш дом. Наши дети».

Сердце рвалось на куски от жалости к нему. Я была готова простить ему все: и опоздание, и страх, и то, что мы чуть не сгорели заживо. Лишь бы он был жив. Лишь бы не в морге.

Глава 2

Рядом со скорой остановился штабной автомобиль. Из него выскочил замначальника части майор Сазонов. Он сорвал каску, вытирая пот со лба, и включил рацию на плече на полную громкость, вызывая диспетчерскую МЧС:

— База, это Первый. Очаг на четвертом, локализация. Детей Орлова сняли, тяжелые, везут в детскую городскую. Орлову дозвонились? Где его черти носят?! Он на связь выйдет сегодня?!

Динамик рации зашипел, пробивая утреннюю тишину портового двора треском помех. И из него отчетливо, громко, на всю улицу раздался ленивый, слегка насмешливый голос диспетчера части:

— Сазонов, да не трезвоньте вы Орлову. У Алины он на квартире со вчерашнего вечера отсыпается. Телефон наглухо выключил, чтоб со службы не дергали после дежурства. Фельдшерица сказала — он не в состоянии к трубке подойти, устал сильно.

Я посмотрела на рацию Сазонова. Он еще что-то отвечал диспетчеру, а я ждала: поправит? Скажет, ошибся адресом? Не сказал.

Вера позвала меня к машине. Я смотрела на ее рот и никак не могла понять, чего она хочет.

Надо было подняться на ступеньку, сесть возле детей. Держалась за дверной проем и не могла заставить ногу согнуться.

Диспетчер произнес это при всех, совершенно спокойно, будто назвал, в каком боксе стоит свободная машина:

«У Алины он на квартире... Телефон наглухо выключил...»

Алина. Двадцатилетняя фельдшерица с третьей подстанции, которая еще месяц назад мило улыбалась мне на пересменке и хвалила Степины рисунки.

Я смотрела на экран своего телефона, зажатого в обугленной ладони. Тридцать один неприятный вызов.

Тридцать один раз я умоляла его спасти наших детей, пока он спал в ее постели.

Экран в моей руке слабо моргнул. Всплыло короткое системное уведомление:

«Абонент снова в сети». Под уведомлением стояло Димино имя.

И в ту же секунду Вера рядом со мной прижала дыхательную маску к лицу моего семилетнего сына и дико, страшно закричала водителю:

— По газам, Юра! В реанимацию, у пацана остановка!

Запах гари не отмывался. Он въелся под ногти, в поры, в волосы, пропитал больничный халат, который мне выдали в приемном покое вместо сгоревшей дотла одежды.

В токсикологии я сразу подошла к стеклу. Видно было обе койки. Аппараты гудели негромко, медсестра меняла пакет на стойке. Степа лежал отвернувшись. Я ждала, что заметит меня, хотя бы шевельнет пальцами.

— Острый отек гортани мы сняли, — сухо говорил лечащий врач, листая толстую карту Степы. — Но у мальчика глубокий мутизм. Шок заблокировал речь. Он не просто молчит, Алевтина Сергеевна. Он отказывается глотать даже воду. Если до вечера не начнет пить с ложки — придется ставить зонд.

Я подошла к высокой больничной койке. Степа — мой семилетний первоклашка, мой рассудительный, взрослый не по годам мальчик — лежал на боку, свернувшись калачиком. Правая рука в плотной стерильной повязке мелко подрагивала. Здоровыми пальцами он методично, испуганно ковырял край марли, сдирая свежую корку на обожженном запястье.

— Степушка... — я опустилась на колени прямо на ледяной плиточный пол, перехватила его пальцы, сжала своими — огрубевшими, дрожащими. — Сынок, посмотри на меня. Мама здесь.

Степа не шелохнулся. Его серые глаза были устремлены в побеленную стену. Мертвый, стеклянный взгляд, в котором застыл черный, клокочущий потолок нашей спальни.

Семь лет я работала диспетчером скорой. Десятки раз я чужими голосами вытаскивала людей из ступора, заставляла дышать, пока бригада летит через заторы. У меня был свой рабочий ритм, четкий, как метроном.

— Борт двадцать два, ответьте базе, — тихо, но твердо позвала я, как мы играли с ним сотни раз по вечерам. — Борт двадцать два, слышу вас плохо. Зафиксируйте прием. Степочка, прием...

Мальчик судорожно дернул плечом. В горле у него что-то заскрежетало, тонко и жалобно, но звук оборвался. Он сжался еще сильнее, пряча лицо в подушку, и из уголка его зажмуренного глаза медленно покатила темная, грязная от вьезшейся сажи слеза.

Сердце провернулось внутри ржавым крюком.

— Алевтина Сергеевна? — в палату заглянул заведующий отделением, суровый мужчина с темными кругами под глазами. — На два слова. В коридор.

Я осторожно натянула одеяло на плечи сына и вышла.

— По Миле, — без предисловий начал заведующий, глядя в пол. — Четыре года, альвеолы обожжены продуктами горения пластика. Сатурация на пределе. Ей нужен курс импортного сурфактанта и препараты для ингаляций. По квоте его нет. Ждать поставку через минздрав — две недели. У нас нет этих двух недель, понимаете? К вечеру ее состояние может стать еще тяжелее.

— Сколько? — мой голос прозвучал глухо, будто через толщу воды.

— Восемьдесят тысяч. Препарат есть в коммерческом складе при клинике. Если оплатите в течение часа — начнем лечение. Нет — мне придется перевести девочку в общую палату на обычный кислород. А там... гарантий я вам не дам.

Восемьдесят тысяч. У нас были деньги. На нашей совместной с Димой накопительной карте лежало почти триста — копили на ремонт и отпуск.

Я дрожащими пальцами достала из кармана спасенный телефон с треснувшим экраном, открыла банковское приложение. Вбила пароль.

Экран моргнул и выдал пустой белый прямоугольник с красным восклицательным знаком: «Операция отклонена. Счет заблокирован по инициативе владельца карты».

Я замерла. Нажала еще раз. Потом перешла во вкладку кредитки. «Доступ ограничен».

Вчера вечером. Время блокировки — 23:40. Еще до пожара. Пока я укладывала детей и ждала его с дежурства, мой законный муж методично перекрывал мне доступ к каждой копейке.

Ледяная волна прокатилась от затылка к пяткам. Дышать стало нечем — будто я снова оказалась под тем трещащим перекрытием.

«Спокойно, Аля. Спокойно. Ты диспетчер. Ты умеешь держать удар».

Я набрала номер центральной станции скорой. Трубку сняла Валентина Петровна — старший фельдшер нашей смены, женщина, с которой мы пять лет делили суточные дежурства и чай из одного термоса.

— Петровна, здравствуй... Это Аля.

На том конце повисла вязкая, неестественная тишина. Слышно было только гудение рации.

— Здравствуй, Орлова, — голос Валентины был сухим, как прошлогодний камыш.

— Петровна, у меня беда. Дети в токсикологии. Миле нужны лекарства срочно, восемьдесят тысяч. Можно из кассы взаимопомощи оформить экстренную ссуду? Я все подпишу, напишу заявление задним числом, верну с первых же...

— Нет, Аля, — отрезала она.

— Почему? Петровна, ребенок задыхается!

— Потому что касса взаимопомощи выдается по согласованию с профкомом. А из части твоего Дмитрия уже поступила сводка.

— Какая... сводка?

— Не строй из себя святую, — с внезапной, ядовитой злостью выплюнула фельдшер. — Дима звонил начальству. Сказал, ты вчера устроила припадок на почве ревности. Сама швырнула обогреватель в стену, проводку закоротило, а потом бросила детей и сбежала во двор орать. Он караул поднял, чтобы вас спасти, а ты теперь из него виноватого лепишь? Не звони сюда больше, Орлова. Тебе здесь никто и рубля не подаст.

Гудки. Короткие, частые, бьющие прямо в барабанные перепонки.

Я медленно опустила руку с телефоном. Стены коридора качнулись.

Он не просто не приехал. Он выстроил оборону. Петровна уже знала его версию, а меня даже не спросила. Сколько еще людей он успел обзвонить?

Подняла голову на знакомый стук каблуков. Дима. Его шаг я узнавала даже через дверь, прежде чем он поворачивал ключ.

Он шел без остановок. На посту его пропустили; никто не спросил, к кому и с какой целью.

В холл первого этажа, минуя пост охраны, вошел Дмитрий.

Первым я увидела букет в желтом целлофане. Потом — чистый китель, медаль, аккуратно уложенные волосы. Дима пах свежим одеколоном. Я втянула носом воздух еще раз, сама не понимая зачем. Ни дыма. Ни больницы. Он успел вымыться и переодеться, пока я ждала у реанимации.

Возле поста замерли две санитарки, молоденькая медсестра у процедурного кабинета во все глаза смотрела на статного начальника караула.

Он увидел халат, тапки на босую ногу и мои черные щеки. Остановился. На миг губы у него сжались так, как бывало, когда я подавала гостям не ту тарелку. Потом посмотрел на санитарок за моей спиной и раскрыл руки.

— Аленька! — звучным, поставленным баритоном произнес он на весь коридор и шагнул ко мне, широко раскинув руки.

Я попыталась отступить, но уперлась спиной в холодный подоконник.

Дмитрий сгреб меня в охапку. Сильные, тяжелые руки намертво прижали меня к жесткому сукну кителя. Пуговицы больно впились мне в ребра. Букет захрустел между нашими телами, резкий, тошнотворный запах кладбищенских цветов ударил в нос.

— Тише, девочка моя, тише, — громко, для всего отделения, заговорил муж, глядя меня по засаленным волосам. — Хватит биться в истерике. Я все знаю. Я с дежурства сразу к вам. Главное — все же живы! Слышишь? Стены новые наживем, гарнизон поможет. Главное — вы у меня целы.

Санитарка у поста всхлипнула и умилилась: «Господи, золотой мужик... Герой».

Меня обожгло такой дикой, животной яростью, что в глазах вспыхнули красные круги. Я уперлась ладонями ему в грудь и с силой, на которую только была способна, толкнула его назад.

Он качнулся от толчка. Я увидела, как Дима прикусил губу — сейчас выругается. Но рядом стояла санитарка, и он только поднял ладони, словно успокаивал испуганного ребенка.

— Пошел вон отсюда, — прохрипела я.

— Аля, ты в шоке, ты не ведаешь, что говоришь...

— В ординаторскую. Быстро, — процедила я сквозь зубы и, не оглядываясь на глазающий персонал, толкнула дверь в пустое крыло для дежурных врачей.

Глава 3

Дмитрий вошел следом, плотно прикрыл за собой дверь на шеколду, и в ту же секунду маска героя стекла с его лица, как дешевый грим.

Он брезгливо бросил шуршащий веник из хризантем прямо в раскрытое мусорное ведро под раковиной и достал из кармана влажную салфетку, вытирая ладони.

— Ты совсем с катушек слетела? — негромко, свистящим шепотом спросил он. — Что за спектакль на посту?

— Тридцать один раз, — сказала я. Голос дрожал, но я не отвела взгляда. — Я звонила тебе тридцать один раз, Дима. Пока горел наш диван. Пока Степа задыхался под мокрым полотенцем. Пока Мила хрипела у меня на руках. Где ты был?

Дмитрий аккуратно свернул салфетку, бросил ее вслед за цветами и подошел ко мне вплотную. Он был выше меня на голову, шире в плечах в два раза. От него пахло мятой и чужими духами — сладкими, карамельными, дешевыми духами фельдшера Алины.

— Я был на спецзадании, — отчеканил он, глядя мне прямо в переносицу. — Телефон сел. Это служба, Орлова. Привыкай.

— Ты спал с фельдшерицей в ее служебке! Твои мужики по рации сказали!

Его рука метнулась вперед быстрее, чем я успела вздохнуть. Пальцы сжались на моем предплечье железными тисками, он резко развернул меня и впечатал лопатками в кафельную стену. Боль обожгла поврежденную спину.

— Закрой свой рот, — прошипел он мне в самое ухо. Его губы почти касались моей щеки, обдавая горячим мятным дыханием. — Закрой пасть и слушай сюда. Ты сама виновата во всем. Поняла? Посмотрела на себя в зеркало? Обабилась, стухла в своих диспетчерских наушниках, вечно уставшая, вечно с кислой мордой. Мужiku дышать рядом с тобой нечем! Алина — живая. А ты — моль.

Слезы обожгли глаза, но я сжала зубы так, что хрустнула челюсть.

— Карты разблокируй, — выдавила я. — Миле нужны лекарства. Восемьдесят тысяч. Сейчас же.

Дмитрий криво усмехнулся и ослабил хватку, но не отошел.

— А вот хрен тебе, Аленька. Ни копейки ты с этих счетов не снимешь, пока шелковой не станешь. Будешь вкаты про Алину, пойдешь в гарнизон жаловаться — я тебе такую жизнь устрою, что пожар раем покажется. У меня знакомый начмед в психдиспансере. Одно мое слово — и тебе оформят реактивный психоз на фоне стресса. Детей суд отдаст мне за одно заседание. Алина их прекрасно воспитает, она добрая девочка. Усекла?

Он отпустил меня, поправил воротник кителя, смахнул невидимую соринку с погона и улыбнулся — спокойно, сыто, уверенно.

— Пойду сына проведу.

— Не смей к нему подходить! — бросилась я к двери, но он уже толкнул ее плечом и вышел в коридор.

Я влетела в палату токсикологии секундой позже.

Дмитрий забрал у поста оставленный там пакет и уже стоял над кроватью Степы. В руках у него была огромная, запаянная в глянец коробка — сборная модель современного пожарного спасательного катера с яркими мигалками на корпусе.

— Здорово, боец! — весело, по-командирски бросил Дмитрий и небрежно швырнул тяжелую коробку прямо на ноги замершего мальчика. — Смотри, какую штуку тебе отец привез. Будем вместе собирать.

Степа дернулся, словно по его телу пропустили ток.

Степа посмотрел на красный борт игрушки. Потом на китель. Уцепился рукой за ворот пижамы, попытался вдохнуть, но только разинул рот. Я уже слышала сигнал монитора, когда он выгнулся на кровати. Дмитрий всё еще держал руку на коробке — будто подарком можно было заткнуть этот звук.

— Степа! — я метнулась к сыну, отталкивая Дмитрия.

Коробка с моделью соскользнула с одеяла и с грохотом упала на пол. Из-под надорванной пленки вылетел и лег прямо на белую плитку плотный розовый конверт.

Крупный, аккуратный почерк с круглыми буквами и нарисованным сердечком вместо точки в конце: «Нашему любимому герою Степochке от папы и тети Алины. Поправляйся скорее, мы тебя очень ждем!»

Я перечитала «мы тебя очень ждем». Обоих они ждали? Милу тоже? Папа с тетей Алиной уже подписали открытку, выбрали подарок, а мне не дали денег на лекарство. Сын хрипел у меня под рукой. Я не подняла конверт. Всё внимание было на Степе — успевает ли он вдохнуть?

— Врача! — закричала я, прижимая бьющегося в судорожном приступе Степу к своей груди. — Сюда, быстро!

В палату вбежали реаниматолог и медсестра. Началась суматоха, загремели стойки капельниц.

Дмитрий отступил к двери, когда сын посинел. Ни ко мне, ни к врачу не подошел. Я протянула руку за кислородной трубкой и увидела, как он пятится, обходя капельницу, чтобы скорее выйти.

— Псих... — пробормотал он, глядя на Степу, и выскочил за дверь.

Когда приступ удалось купировать успокоительным уколом и Степа, обессиленный, провалился в тяжелый медикаментозный сон, я поднялась с колен. Подняла с пола розовую открытку, сжала ее в кулаке и выбежала на улицу.

На город накатил осенний, промозглый ливень. Серое небо давило на крыши, асфальт блестел от холодной воды.

Дмитрий уже садился в свой белый внедорожник у больничного шлагбаума.

— Орлов! — крикнула я, сбегаю по ступенькам под ледяные струи дождя. Халат мгновенно прилип к телу, тапки скользили по мокрой плитке.

Он опустил стекло, раздраженно глядя на меня через темные очки:

— Чего тебе еще?

— Ты оставил дочь умирать, — сказала я, глядя ему в глаза. — Если через полчаса не будет лекарства, Мила не выкарабкается.

Дмитрий скривился, полез во внутренний карман кителя, достал две смятые пятитысячные купюры и небрежно, как собаке кость, швырнул их через приоткрытое окно прямо в лужу под моими ногами.

— На, подавись. На капли твои хватит. И заруби себе на носу: еще раз опозоришь меня перед коллегами в отделении — вообще без штанов останешься.

Стекло поднялось. Внедорожник взревел мотором, обдав меня веером грязных брызг, и рванул с больничного двора.

Две мокрые бумажки плавали в бензиновой пленке лужи. Десять тысяч. Из необходимых восьмидесяти.

Ноги подкосились. Я опустилась прямо на колени на холодный асфальт, не чувствуя, как ледяная вода пропитывает ткань халата. Слезы наконец прорвали плотину — злые, бессильные, обжигающие щеки вместе с дождем. Я протянула руку, чтобы поднять несчастные деньги, потому что даже эта подачка была шансом купить хотя бы одну ампулу.

Потянулась за купюрой. Рядом с пальцами в лужу наступил мужчина и прижал деньги носком берца. Я смотрела на ботинок, злилась: убери, мне их надо поднять. Это десять тысяч. Я не могла оставить десять тысяч в луже.

Берец был мокрый, с грязью в протекторе. Его хозяин не двинулся и денег мне не отдавал. Я замерла, медленно поднимая взгляд снизу вверх.

Темные форменные брюки, заправленные в берцы. Тяжелая штормовая куртка МЧС с эмблемой экспертно-криминалистической службы.

Он заслонил машину у шлагбаума. Высокий, темноволосый, с сединой у висков. Я зацепилась взглядом за складку между бровей. Он смотрел на меня, на руку, протянутую к деньгам. Встать самой почему-то стало стыдно. А сидеть дальше — еще стыднее.

Ростислав Гарин. Следователь-испытатель управления, о котором по всему портовому гарнизону шептались с суеверным страхом: человек, который ходит по пепелищам и читает гарь, как открытую книгу. Человек, который не оставляет от липовых отчетов камня на камне.

Гарин молча наклонился, перехватил меня за локоть и одним скупым, мощным движением поднял с колен, словно я ничего не весила.

Он держал мой локоть, пока я выпрямлялась. Сквозь рукав чувствовалось тепло ладони. Халат пропитался водой, колени дрожали; отпусти он сейчас — снова села бы в ту же лужу.

Другой рукой он достал из глубокого кармана куртки плотный термоизоляционный бокс с немецкой маркировкой и вложил его в мою онемевшую ладонь.

— Здесь полный курс, — его голос был низким, хрипловатым, с легким металлическим рокотом. — Сурфактант и препараты для ингаляций. Срок годности в норме, температурный режим соблюден. Несите наверх, Орлова. Врач ждет.

Я смотрела на термобокс, потом на него, не в силах вымолвить ни слова. Губы тряслись от холода и шока.

— Откуда... вы...

Он поправил мою ладонь под боксом, чтобы я его не выронила. Пальцы задержались на запястье. Я смотрела на маркировку, потом на его рот. Хотела сказать спасибо, спросить, как узнал, — ничего не выходило. Гарин ждал. Не торопил.

Он медленно убрал руку, но дистанцию не разорвал, нависая надо мной темной скалой под хлещущим дождем.

— Лекарства возьмите, Орлова, — негромко, но так отчетливо уронил он в шум ливня, что каждое слово впечаталось в мозг. — А вашему герою передайте: я оцепил пожарище не для того, чтобы он откупался подачками.

Глава 4

Запах пожарища вьелся мне под кожу. Мокрый пепел, раскисшая штукатурка и тяжелая, жирная гарь, от которой тошнило до спазмов в пустом желудке.

У подъезда нашего дома натянули красно-белую ленту. Молодой боец в брезентовой робе шагнул мне наперерез, выставив вперед локоть: — Женщина, назад. Распоряжение начальника караула майора Орлова: посторонних и неадекватных в подъезд не впускать.

Неадекватных. Слово обожгло хлеще пламени. Дмитрий уже успел раздать указания, выставив меня сумасшедшей истеричкой.

Я полезла в карман куртки, выдернула служебное удостоверение диспетчера скорой помощи и ткнула красной корочкой прямо в лицо парню: — Я прописана в квартире номер тридцать два. Иду за жизненно важными вещами для детей. Еще секунда, мальчик, и я через пульт «112» зафиксирую незаконное препятствование доступу. Личный номер назовешь или сразу под протокол пойдешь?

Пожарный растерянно моргнул и отступил на шаг. Я перешагнула ленту и толкнула закопченную дверь.

На лестничной площадке первого этажа меня ждал второй заслон.

Алина ждала у перил. На светлом кашемировом пальто не было пятнышка; я сразу посмотрела на собственный рукав, размазанный о дверь. Она держала папку двумя пальцами, чтобы не испачкать маникюр. Наверное, даже присесть здесь побрезговала бы.

— Аля, остановись. — Она закрыла папкой проход между нами. — Тебе туда нельзя. Дима просил передать. Мы хотим помочь.

Она протянула мне распечатанный бланк. Мой взгляд скользнул по жирным строчкам: «Заявление о добровольной передаче детей на полное попечение отцу... в связи с отсутствием условий...»

— У тебя нет жилья, Аля, — мягко, словно душевнобольной, запела любовница моего мужа. — Степе нужна платная реабилитация в пульмонологии, у тебя зарплата на пульте три копейки. Дима заберет детей в служебную трешку, я помогу с уходом...

Я вырвала у нее бумагу. Пальцы мелко дрожали. Она стояла передо мной с готовым бланком — даже имена моих детей уже вписала. Я скомкала бланк, разорвала его пополам, еще раз пополам — и швырнула белые обрывки прямо в ее ухоженное лицо.

— Заткнись, — прошипела я, наступая на нее. — Если ты еще раз откроешь рот в сторону моих детей, я подам рапорт главврачу. О том, как дежурный фельдшер бросила смену и уехала спать с начальником караула, пока город горел. Ты вылетишь из медицины с волчьим билетом, дрянь.

Алина отшатнулась, оскалившись: — Ты пожалеешь, нищенка...

— Что за базар на объекте?

Я обернулась. Гарина раньше слышала, чем увидела.

Он спустился с верхнего пролета, держась за перила. Взглянул на обрывки бумаги у Алины под ногами, затем на меня. На темно-синей штормовке, в отличие от ее пальто, уже осела штукатурная пыль.

— Гражданская, место следственных действий оцеплено, — Гарин смерил меня тяжелым, немигающим взглядом. — Покиньте подъезд. Немедленно.

— Мой сын в реанимации, — я шагнула к нему, глядя прямо в эти ледяные глаза. Внутри все звенело натянутой струной. — Степе нужен его компрессорный небулайзер для реабилитации. Врач разрешил забрать, если уцелел. Мне плевать на ваши регламенты, Гарин. Вы пустите меня внутрь. Под вашим личным контролем.

Он выдержал паузу. Я не могла понять, читает ли обрывки под ногами или решает, как проще меня выставить. Там, в ящике, Степин аппарат. Я не уйду без него. — Пять минут, Орлова. Шаг в сторону — выведу силой. Пошли.

За дверью я поискала детские тапочки. Обычно они валялись посреди коридора, я каждый вечер переставляла их к стене. Теперь пола не было видно под мусором. От кровати остался каркас, на нем висел клочок одеяла. Милкин заяц лежал на полу. Я его не подняла: распался бы в руках.

Я метнулась к уцелевшему нижнему ящику комода, нащупала пластиковый кейс ингалятора. Цел. Слава богу, цел.

Гарин тем временем стоял у стены, освещая мощным фонарем вентиляционный короб.

— Твой муж утверждает, что возгорание произошло из-за короткого замыкания, — не оборачиваясь, произнес следователь. Голос звучал глухо под сводами сгоревшей комнаты. — Якобы ты оставила дешевую зарядку в розетке у штор.

— Это ложь, — выдохнула я, прижимая кейс к груди. — Там даже розетки не было, мы ее заглушили, когда въехали!

— Я знаю, — Гарин провел пальцем в плотной перчатке по стене. — След копоты идет от вентиляционной шахты. Сюда пришел дым с нижних этажей. Вытяжка его не отвела.

— Но Дима... караул Димы проверял тягу каждый квартал. — Я оглянулась на Гарина. — Ключи от чердака всегда были у него. Он их даже соседям не давал. Говорил, посторонние лезят, ломают оборудование.

— Пойдем, — коротко бросил Гарин.

Мы поднялись на полутемный технический этаж. Воздух здесь был затхлым, пахло ржавчиной.

Гарин подошел к массивной стальной трубе дымоудаления и сдернул защитный кожух клапана номер четыре.

Луч фонаря выхватил механизм заслонки. Она была намертво стянута толстой скруткой из пожарной контровочной проволоки. Свежей. Блестящей.

— Клапан заклинили вручную, — жестко сказал Гарин. — Датчики тяги сгорели еще полгода назад. Чтобы не закрывать дом на капремонт и не лишаться премий за образцовый участок, систему заблокировали наглухо. Когда внизу тлела проводка, клапан должен был сбросить дым на крышу. Но он был заперт. И весь ядовитый чад пошел по стояку в твою квартиру. Твоих детей заперли в газовой камере.

Я уперлась плечом в бетонную стену. Холод прошел через куртку. Вспомнила, как Дима показывал Степе медаль: «Запомни, отец у тебя людей спасает». Сын потом рисовал ее желтым карандашом. А заслонка в это время была заперта.

— Какая мразь... — прошептала я, давя подступающую тошноту. — Какая же он мразь...

— Это еще не все, Орлова, — голос Гарина стал пугающе сухим.

Он достал из планшета ламинированный лист журнала техобслуживания и развернул его передо мной.

— Акт проверки узла дымоудаления. Дата — две недели назад. Подпись лица, принявшего узел в эксплуатацию: «Орлова А. С.». Твои инициалы.

Я уставилась на корявые буквы. Он даже петлю на заглавной скопировал. Как часто он смотрел на мою подпись, прежде чем научился? — Это не моя подпись! — закричала я, срывая голос. — Он подделал ее! Он расписался за меня! Назначайте экспертизу!

Он подошел ближе, забрал лист за угол, чтобы тот не смялся у меня в пальцах. Пахло табаком; раньше не замечала. На расстоянии вытянутой руки он перестал казаться просто строгим человеком в форме. Мне было неудобно поднимать к нему лицо, но я подняла. Пусть скажет, что делать с подписью.

— Экспертиза будет, — тихо сказал он. — Но этим актом тебя пытаются сделать соучастницей преступной халатности, повлекшей тяжкий вред здоровью твоих же детей.

В холл детской больницы я влетела на негнувшихся ногах, сжимая в руках кейс с небулайзером.

У дверей реанимации стоял Дмитрий. Рядом с ним переминался с ноги на ногу ведомственный юрист части с кожаным портфелем. Юрист настойчиво тянул из рук пожилой дежурной медсестры тонкую синюю папку.

— Это закрытая служебная документация МЧС, передайте карты нам, — давил юрист. — Мы должны исключить токсикологические спекуляции...

— А ну убрал руки! — мой крик разрезал стерильную тишину коридора.

Я подскочила, вырвала карту Степы прямо из пальцев юриста и встала спиной к дверям реанимации, заслоняя вход.

Дмитрий нахмурился, в его карих глазах мелькнуло раздражение. Он шагнул ко мне, понизив голос до вкрадчивого шипения: — Аля, не позорься. Отдай документы. Юрист закроет вопрос, детям выплатят страховку, если мы подтвердим бытовой несчастный случай. Не ломай нам жизнь.

— «Нам»? — я посмотрела на него с таким омерзением, что он невольно осекся. — Клапан номер четыре, Дима. Проволочная скрутка. Гарин нашел твой акт приемки. Тебе светит зона, майор.

Дима сжал губы, когда услышал про клапан. Я уже открыла рот продолжить, но он наклонился к моему уху. Улыбался. Я видела отражение этой улыбки в стекле реанимации — осторожной, почти довольной.

— Думаешь, твой Гарин тебя спасает, Аля? Посмотри на бланк акта. Он пришел сюда не тебя защищать — он пришел посадить нас обоих.

Глава 5

— Никаких барокамер, Орлова. Ваш муж полчаса назад отозвал финансовое обеспечение и аннулировал согласие на платный блок, — заведующий пульмонологией Савельев брезгливо захлопнул медицинскую карту Милы. — Бесплатные койки в общей палате. Без импортных бронхолитиков. Радуйтесь, что вообще держим.

Я не сразу разжала пальцы на спинке стула. Дети задыхались от токсичной копоти, легкие Степы хрипели, как пробитые мехи, а Дмитрий методично перекрывал нам кислород.

На столе лежал журнал дежурств. Я раскрыла его на сегодняшней странице и подвинула к Савельеву. Хотела кричать, но на линии с криком ничего не добьешься: собеседник слышит только свой страх. Поэтому назвала его имя и отчество. Медленно.

— Пишите письменный отказ, Савельев Игорь Борисович. Время — одиннадцать сорок две. С формулировкой: прерывание экстренной оксигенотерапии детям с ожогом дыхательных путей второй степени по указанию третьего лица. Через сорок минут здесь будет спецбригада горздрава и внеплановая проверка прокуратуры. Я лично продиктую протокол неоказания помощи. Пишите. Прямо сейчас.

Врач побелел, глядя на мою руку, впечатанную в журнал.

— Аля, ты совсем спятила? — раздался из коридора сладковатый, визгливый голос.

Алина вошла с листом в руке. Халат накинут на плечи, в ушах золотые сережки. Дима обещал такие мне на десятилетие свадьбы. Я даже запомнила, какая у них застежка. На что только не обращаешь внимания, когда тебе говорят отдать детей.

— Дима оформил на меня доверенность. Я медик, в отличие от нервной истерички, спалившей собственный дом, — она победно усмехнулась, суя бумагу мне в лицо. — С этого момента тактику лечения Степы и Милы определяю я. А тебе здесь находиться запрещено. Пошла вон.

Шагнув вперед, перехватила ее запястье и впечатала Алину лопатками в стену — прямо под объектив купольной камеры наблюдения. Она попыталась выдернуть руку, но я держала крепко.

— Сделай еще один вдох моим воздухом, тварь, — прошептала я ей в лицо, вырывая фальшивку. Бумага без печати нотариуса с треском разорвалась пополам, потом на четыре части и полетела Алине под ноги. — Дежурный пост! Наряд полиции на шестой этаж. Постороннее лицо без допуска в режимном детском блоке. Немедленно!

— Ты сдохнешь под забором! — взвизгнула Алина, когда санитарки, испуганные моим ледяным бешенством, подхватили ее под локти.

Из палаты донесся кашель. Оставила Алину санитаркам и бросилась обратно. Медсестра держала маску у Степиного лица, а он отбивался, цепляясь за резину. Кожа над верхней губой синела. Маски он теперь боялся — дома через ткань в лицо шел дым.

— Прочь! — я оттолкнула медсестру, упала коленями на холодный линолеум и обняла сына, прижимая его мокрую от пота голову к своей груди. — Степка. Смотри на меня. Только на меня, сынок.

Замедлила речь, повторила Степино имя. На пульте так делала с людьми, которые захлебывались словами и не могли назвать адрес. Одно действие за другим. Сейчас действие было одно: дышать со мной. Он должен был услышать маму, а не крик за дверью.

— Вдох — раз, два. Держим, — зазвучал мой грудной, глубокий голос прямо у него в ухе. — Выдох — три, четыре, пять, шесть. Слышишь маму? Держи мое небо. Вдох. Раз, два... Молодец. Выдох. Дым ушел, мы в больнице. С тобой мама.

Между всхлипами появились паузы. Я повторяла тот же счет, не ускоряясь. Спазм отпустил. Пальчики сына разжались, отпуская мою кофту. Он задышал.

Во двор я спустилась с телефоном в руке. Если позовут — сразу назад. Гарин ждал у внедорожника с папкой. Куртку не застегнул, хотя ветер дул вдоль больничной стены. Я остановилась перед ним и проверила, включен ли звук на телефоне.

— Барокамеры в военном госпитале МЧС готовы, — он протянул мне распоряжение с гербовой печатью. — Полный курс реабилитации, отдельный бокс для обоих детей. Ведомство берет все расходы на себя.

Бумага жгла пальцы. Я подняла на него глаза и выждала. О чем он попросит взамен?

— Какая цена, майор? Мои показания против Орлова? Эксперимент на пожарище? Я не беру подачек. И кукловодов над собой больше не потерплю.

Он приблизился, чтобы говорить тише. Табаком пахло от воротника; я почему-то смотрела на его губы. Тогда он взглянул на мои руки. Убрала кулаки в карманы: не хватало еще показывать, как меня трясет.

— Это не подачка, Орлова. — Он забрал у меня распоряжение, положил на капот и прижал папкой от ветра. — Детей лечат независимо от твоих показаний. А тебе предлагаю работу. В кризисном центре нужна старшая на линии. Зарплата, контракт. Защиту свидетелей оформляем отдельно — запрос уже подал.

— Вы с ума сошли, Гарин! — начальник кризисной линии Сабуров швырнул мое личное дело на пульт. — У нее семья на пепелище, дети в реанимации! Она сама клиент психдиспансера!

В этот момент на центральном пульте вспыхнул багровый маяк. Первая категория. Громкая связь заполнила зал хриплым, пьяным плачем мужчины: «...я на перилах вантового моста... шагну сейчас... все равно никому не нужен...»

Диспетчер-новичок впал в ступор, растерянно листая скрипты.

Я молча шагнула к свободному креслу, надела гарнитуру и нажала перехват линии.

— Меня зовут Аля, — сказала я в микрофон. — Слышишь меня? Не выключай телефон. Под ногами скользко, я знаю. Давай левую ногу обратно на бетон. Хорошо. Теперь правую. Мне надо поговорить с тобой, но на перилах неудобно. Я здесь, никуда с линии не уйду. Ты тоже останься.

Две минуты. Сто двадцать секунд абсолютной тишины в зале управления. На сто двадцать первой секунде мужчина зарыдал. В наушниках прозвучало: «Слез. Я слез, сижу тут на бетоне». Только тогда я отпустила кнопку связи.

Сабуров медленно выдохнул, достал ручку и, не глядя на меня, размашисто расписался на бланке контракта.

В лаборатории я села напротив монитора. Гарин протянул наушники, дождался, пока надену. Поправила левую чашку: после дыма в ухе шумело, нельзя пропустить ни слова. Он нажал воспроизведение.

— Слушай исходник. Оцифрованная запись экстренного коммутатора в ночь твоего пожара.

В уши ударил знакомый, чуть сдавленный шепот Алины: «...на перекрестке Портовой горит щитовая в подвале пятиэтажки, дым идет в подъезд... караул не вызывайте пока, Дмитрий Викторович сейчас сам спустится, проверит вентиляцию...»

Время на таймкоде: 02:14. Сирена части взывала только в 02:35.

— Двадцать минут, — тихо произнес Гарин за моей спиной. Его тяжелая ладонь легла мне на плечо, обжигая сквозь тонкую ткань свитера. — Он знал, что дом разгорается. Но сидел у нее в квартире и ждал, пока в подъезде сгорит шахта с поддельным актом его проверки. Он рисковал твоими детьми ради собственной шкуры.

Вернула запись на начало. Снова услышала Алину, посмотрела на таймкод. Двадцать одна минута. В обычный день за это время я принимала несколько вызовов. В ту ночь все эти минуты дети оставались со мной в квартире. Нажала стоп и отложила наушники.

Я взяла маркер, прижала протокол содействия следствию к столу и вывела четкую, размашистую подпись.

— Уничтожьте его, Ростислав. А я помогу.

В новой отдельной палате госпиталя вкусно пахло свежим бельем и эвкалиптом. Мила спала, прижав к щеке плюшевого зайца. Степа тихо листал книгу.

Дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял Орлов. Галстук сбит, лицо перекошено яростью, в руках — судебная папка.

— Ты совсем берега потеряла, дрянь?! — прошипел он, надвигаясь на меня. — Заявление в опеку готово. Ограничение прав матери, передача детей мне и Алине. Подписывай отказ от претензий по пожару и вали из города, иначе я сгною тебя в дурке!

Я медленно поднялась со стула. Не отступила ни на миллиметр.

Сначала я швырнула ему в лицо темно-синюю книжку со свежим тиснением: «Старший эксперт-консультант кризисной службы МЧС Орлова А.С.». А следом — постановление с гербовой печатью следственного управления.

— Постановление об особом статусе потерпевших и свидетелей, Дима. Запрет на приближение ближе ста метров. Тронешь хоть пальцем — поедешь в СИЗО до утра.

Дмитрий пятился к двери, сжимая в побелевших пальцах бесполезные судебные бумажки, а за его спиной в стекле больничного коридора уже вырастала темная, тяжелая фигура Гарина.

Глава 6

Врач держал выписку за верхний угол. Я смотрела на лист: готовый, напечатанный, осталось отдать мне. Он поправил очки, попробовал улыбнуться. Я не улыбнулась. Степа уже устал ждать, Мила сидела в куртке — зачем опять оставлять их здесь?

— Алевтина Сергеевна, поймите меня по-человечески. Дмитрий Викторович лично звонил полчаса назад. Он законный представитель, начальник караула... Сказал, без его подписи детей из стационара не выпускать.

— По-человечески? — Я шагнула вперед, и врач невольно отступил к кушетке.

Я с размаху опустила на стойку пластиковую карточку диспетчера главка и хрустящий лист с синей печатью.

— Это прямое распоряжение начштаба управления МЧС. Дети выписываются в выделенное нам ведомственное жилье на время служебной проверки в отношении майора Орлова. Если через две минуты выписки не будет у меня в руках, я фиксирую воспрепятствование служебному расследованию. Фамилию вашу напомнить или на бейдже прочесть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.